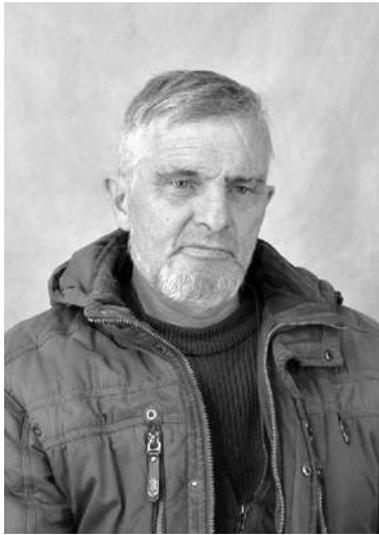

АНДРЕЙ ХРОМОВСКИХ

Записки сельского таксиста

ПОЛУАВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Чем ты обладаешь, то обладает и тобой.

Гай Петроний Арбитр

Первый выезд

Не чаял заделаться таксистом, а вот нá поди — угораздило сподобиться!..

Коломбина скатывается с выщербленного асфальта главной поселковой улицы с архаичным названием Советская, волочится по грязнейшему, изгорбленно-му, колдобистому одноимённому переулку. Двадцатилетний мотор рокочет как новенький, но — ах, как явственно слышится! — исходит слезливою тоскою по японскому или хотя бы европейскому автобану...

ХРОМОВСКИХ Андрей Анатольевич, прозаик. Родился в 1962 г. в г. Братске. В 1965 г. семья переехала в пос. Жигалово. Окончил Иркутский кооперативный техникум. Первая публикация состоялась в районной газете «Ленинская правда». В 2006 г. явился инициатором издания литературного альманаха «Разбег», составленного из произведений жителей Жигаловского района. Создал районное общественно-литературное объединение «Разбег» и стал его председателем. Член Союза писателей России с 2016 г. Автор сборника стихов «Зазеркальная птица» (2011 г.) и книги прозы «Двойная жизнь» (2019 г.). Делегат 1-го съезда писателей Иркутской области. Публиковался в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Иркутский писатель», «Северо-муйские огни», «Иркутский альманах», в коллективных сборниках «На перекрёстке», «Дарю тебе мой стих». Живёт в пос. Жигалово.

Коломбина боком проваливается в лужу, узкую, извилистую и глубокую, словно озеро Байкал, выкарабкивается к взмокшему небу... Тут же позади раздаётся отвратительное скрежетание и — тяжкий удар, словно бы снизу «поцеловали» кувалдою...

Головотяпистые дорожники снова перепутали: вместо гравия накидали неохватных камней!

...Снова удар. Чрево Коломбины сотрясается всеми своими металлическими кишочками и ёкает, — непонятно чем, электронной селезёнкою, наверное...

...Тот же скрежет, уже раздражающий, и оборвавшийся как-то сразу, будто задние колёса придушили чей-то недолгий предсмертный хрип — и внезапно я слышу непрерывное то поцарапывание, то похлопывание...

Бампер оторвался. Хорошенькое начало, нечего сказать! Да чтобы я ещё раз приехал по вызову в этот чертями мощёный переулочек! Да ни за какие деньги, даже зелёнодолларовые! А ежели вознамерятся «деревянными» соблазнить — оскорблюсь, да и всё тут!

Ладно, будет исходить желчью: вот и адрес — двухэтажный барак. Помнится, лет сорок назад это была громадина посреди приземистого поселкового одноэтажья, горделиво блистающая жёлто-медовыми брусовыми стенами. Сейчас барак почернел, покривился окнами; просев серединою, накренился углами во все стороны.

Въезжаю, — вернее, протискиваюсь во двор с непременно сарайчиками на задах и рахитичными цветочками у подъездов, культурно высаженными в автомобильные покрывки. У подъезда — две женщины, разморённые жарою и ожиданием; давно, шапочно, знаю обеих. Та, что попригляднее лицом и несколько пободрее фигурою, распахивает дверцу, с непередаваемым ленивым презрением выщеживает:

— Из-за вас мы уже опоздали!

Мелкотравчатая барынька-чиновница одною фразою убила трёх зайцев: не преминула напомнить о своём статусе, явила недовольство неповоротливостью наёмного извозчика и оттенила мою, по её местническому воззрению, холуйскую должность, — по сегодняшним забубённым временам жест вполне себе обыкновеннейший.

Барынька и её товарка усаживаются на заднее сиденье — и салон сейчас же заполняется невообразимо чем, — запахом даже и не приторным, вонью даже и не паточною, а, похоже, что сущим трупным смрадом дешёвенькой туалетной воды... Да что же они, эти подвальные «парфюмеры», эти турки ли, китайцы ли, из азиатского коварства гуано в неё подсыпают, что ли?! Невольно вспоминаю пару-другую переперченных уличных выражений, опускаю боковые стёкла, настежь открываю люк и отзываюсь растрескавшимся, не иначе как от злой сухости, голосом:

— По вашему переулку быстрее — разве что на вертолёте. Или же на ковре-самолёте.

Барынька подрагивает щеками, бровями. Она сообразила, зачем я проветриваю машину; отмалчивается; кажется, изволит обижаться.

— Вот его и заказывайте, — прибавляю с небрежностью в голосе, недвусмысленно давая понять: уездный табель о рангах мне до всеми ведаемого неприличного места, в моём же табеле такие чиновные курицы, как она, навечно вбиты в первую строку снизу.

— Так мы потому такси и вызываем, чтобы пешком по грязюке-то по этой не ходить, — пускается в объяснения доселе помалкивавшая вторая пассажирка, но барынька прерывает её нервическим возгласом:

— Поехали!

Ага, побегу, — вот только лапти сплету...

Намеренно не торопясь вылезая из машины. Так и есть: бампер полуоторван, и моя горемычная Коломбина с пугающей натуральностью являет собою обляпанную грязью подводную лодку с обвисшим левым рулём глубины (если не ошибаюсь, так называют приделанные к лодке длинные горизонтальные штуковины, смахивающие на крылышки на хвостовом оперении самолёта). Ну, являет, — и что же мне с того в этом дворе, из которого надобно ещё как-то выбраться, а изловчиться развернуться в тесноте между шеренгою сарайчиков и клумбами с лавочками — это вам не так-то и запросто, это вам не шоколадку развернуть...

Объясните кто-нибудь, какого рожна меня заманило в бесполезные аналогии, вместо того, чтобы...

— Мы едем или нет?!

Даже через тонированные стёкла видно: барынька полыхает глазищами, словно остервеневшая кошка. Один мой остроязыкий знакомец не удержался бы, съехидничал примерно такими словами: «Довопишь, дурёха, — пудра осыплется!». А я — что? Я ладно — промолчу...

Устанавливаю бампер на место. Вернее, надавливаю — и наполовину обломанная бамперная проушина рогульками обхватывает кузовной болтик. Ремонт — быстрее и немудрёнее некуда — до первой встряски. Казалось бы, вот решение: привязать бампер проволокой или прикрутить (или, как красочно говаривает всё тот же знакомец — припиндюрить) саморезом. Так-то оно, конечно, так, но из меня водитель, если честно признаться самому себе, пока примерно такой же, как и хореограф, то бишь никто со всякого боку, а слесарь, тем более механик, — ну, пожалуй, что и похуже... Кажется, мои первые пассажирки пребывают в счастливом неведении насчёт возмутительного дилетантства своего таксовожатого, — и хвала за это языческому Меркурию, а заодно и остальным богам, хоть как-то причастным к рулю и дороге... «Сколько можно волокитить да оттягивать! На днях непременно припиндю... прикручу этот бампер!» — как можно решительнее говорю себе и опускаюсь на своё раскалённое водительское сиденье.

Барынька клокочет увядающей шеей. Выхрипывает:

— А раньше что — нельзя было отремонтировать там что-то?!

— До вызова в этот барак ремонт не требовался, — отвечаю, неспешно вытирая тряпкою ладони.

— Что? — фыркает барынька. — Барак?!

Аборигены непомерно патриотичны. К примеру, в присутствии кого-либо из них самую жалкую местную лачугу совершенно непозволительно называть таковою: обижаются, словно малые дети.

— Прошу пардону, мадам, — ехидничаю с покаянною миною, — сослепу не распознал коттедж, если будет угодно — особняк. (Барынька буреет физиономией, раздувает щёки и делается похожей на подмороженную свеклу.) Я в таком же вырос, только безшвейцарном и одноэтажном, — присовокупляю будто так, промежду прочим. Не дождавшись ответа, осведомляюсь: — Куда едем?

Если бы барынька ответила: «На кудыкину гору!», то я бы не удивился. По моим наблюдениям, образованность почему-то именно в женщинах различима

менею всего. Уверенно отъединить образованную от кухарки можно по высокомерию — родимому пятну сельской интеллигенции, а по одежде, разговору или манерам — порою весьма затруднительно... Зачастую на той и на другой мне ни с того ни с сего вдруг явственно представляется фартук, и не бог весть какой клеёнчатый, а непременно свеженький ситцевый, то украшенный классической шотландской клеткою, то весь усыпанный радостными русскими ромашками и всякими прочими лютиками, обязательно с просторным карманом, откуда то свешиваются перья зелёного лука, то высовывается ручка от дуршлага или подобного прочего, то выглядывает ещё что-нибудь такое-этакое блистающее из обширной кухонной утвари, — ах, этот пригрезившийся фартучек — сама прелесть, само очарование! И что странно (если призадуматься — так и вовсе даже и не странно), его чиновная носительница предстаёт предо мною непривычно другою: обнаруживаются и несколько выпячиваются почти что искоренённые казённою службою природные женские приметы и особенности... Не догадываюсь, отчего подобная фартучная диковина происходит. Наверное, от излишне восторженных разговоров про эмансипацию, — мол, нашими неусыпными стараниями всё настолько заэмансипировано, что всяких там пережитков позорного домостроевского прошлого у нас даже и в глухих деревнях не осталось; а к следующему годовому отчёту вы, уж извольте не сомневаться, ни сковородок, ни печей, ни даже самих домов на подчинённом нам пространстве днём с огнём не найдёте...

Вторая пассажирка беззастенчиво вязывается в безрадостную сумятицу мыслей: — На Пушкина.

Да уж, не повезло: когда в любом месте этой улицы длинномерная Коломбина пытается развернуться, то «носом» обязательно упирается в одну канаву, а «кормой» — в другую.

— Как скажете, — отвечаю, и барынька удовлетворённо вскидывает начинающий тяжелеть подбородок, своим расплывчатым абрисом напоминающий и переревшую грушу, и лошадиную подкову: то-то, помни своё место, а то ишь ты, гляньте на него — рассупониться вздумал!

Проволочившись переулком, выруливаю на центральную улицу, нажимаю на газ — и Коломбина, недоумевая, галопирует по шишковатому асфальту. Барынька раскачивается, подпрыгивает на заднем сиденье, умудряясь сохранять на лице отведённое её статусом достойное выражение. Право же, не знаю, о чём же она думает, и думает ли, но о невозможности проникнуть в её мысли решительно не жалею. А между тем в моей голове ворочается уверенное предположение: от этой таксовки прибытку не ожидай, разве что впечатлений будет предостаточно. Ну, стало быть, за ними и поеду.

Здравствуй, лужа!

Дверца распаивается.

— Такси?

— Таксомотор, — отзываюсь нехотя голосом, пригодным, скорее, для отповеди, мол, ступай отсель, нежели для нечаянного пассажира, вздыхаю, откладывая на заднее сиденье «Проклятых королей» и взглядываю на незнакомого (приезжего, это понятно с первого взгляда) парня, молодого, мордатого, блондинистого, щетинистого, одетого, как и многие вокруг, в цветастые шорты, рубашку навыв-

пуск, разрисованную тропической флорой. На обритый затылок парня сдвинута кипенно-белая бейсболка, смахивающая на скульптурный обломок арктического льда, на крепких кривоватых ногах — китайские красные кожаные сандалии, глаза загорожены тёмными «терминаторскими» очками, к распаренной жарою безволосой груди прилип золотой крестик, — словом, незнакомец — типовой представитель теперешней молодёжной толпы.

— Да мне по барабану... — бурчит парень, плюхается на сиденье откормленной, без малого девятистокилограммовой лягушкой и, коротко вздохнув, расслабленно запрокидывает голову (это странно, но мне показалось, что от бейсболки дохнуло прохладой). — Слышь, дед, давай туда, где на пляже молодёжь тусит.

Нарочитое тыканье деловитых сопляков меня давно уже не задевает: пусть хоть такая смена подрастает, чем не будет вообще никакой.

Интересуюсь:

— И куда же?

Вопрос не праздный для меня, но не для парня.

— Да пофиг, лишь бы там вода была, — говорит он утомлённым голосом, — а то от вашей жары сдохнуть можно.

Коломбина согласно рычит мотором, трогается с места. Едем в молчании: парень будто дремлет.

Исподволь наблюдая за ним, сызнова испытываю сомнения в справедливости вычитанной теории (запаматовал — когда, где), утверждающей: каждое поколение немножко, пусть на полшага, пусть на неразличимый микрон, запрограммировано опережает предыдущее. Хочется поддакнуть: мол, да, конечно, как скажете, так оно всенепременно и сбудется, но не могу, словно кто за язык держит: не соглашайся! — и будто в самые уши нашёптывает: мол, ведь абракадабра это кабинетная, ересь вздорнейшая, каковая нет-нет да и заберётся внезапно в чью-нибудь голову, ошеломлённую непомерно долгими злоупотреблениями науками или водкою, а не блистающая виртуозными аргументами теория, вот и всё... И взаправду: какая там эволюция, какое там, к бесу лукавому, поступательное развитие общества, ежели это самое общество из столетия в столетие или шарахается из стороны в сторону, или же замирает как вкопанное?! Вот вытряхнуть этого паренька из иноземного тряпья, на голову нацепить выгоревшую будёновку, обуть в лапти или разбитые и продранные солдатские башмаки, обрядить в рабочую блузу, штаны из чёртовой кожи, всучить кувалду или громадный гаечный ключ — и, пожалуйста, взирайте почтительно на суроволицего члена ВЛКСМ, непритязательного героя первой сталинской пятилетки... Его же приодеть в американские джинсы «Лее», отечественные штормовку и резиновые сапоги, на патлатую голову нахлобучить шляпу, сделанную из газеты «Правда», на шею повесить гитару, да не позабыть привязать на колки революционно-романтический алый бант, — и вашему изумлённому взору явится вроде бы всё тот же комсомолец, но уже последний из плеяды прекраснодушных строителей брежневского БАМа... Ежели оставить, как есть сейчас, то остаётся лицезреть щенка то ли космополитического, то ли неведомо какого другого помёта — создателя непонятно чего и из чего... И где тут оно — развитие?! Не разгляжу, — ну так обнаружьте мне его, обрисуйте перстами: удостоверейся, малOVER! Куда там! — спорщиков давненько уже нету... Да, от такой передраги поневоле приспевает еретическая мысль: а не движется ли развитие образом противоестественным — вспять?.. Нет, лучше не вдаваться в стариковские размышления — по сегодняшним временам это занятие крайне вредное, а глядеть

на подступающий перекрёсток, где, не зная как проехать, застрял грузовик ЗИЛ-157, в здешних местах прозываемый «турманом», хотя с голубем сей громоздкий и тихоходный раритет никоим образом не сходствует...

«А ведь „турман“ — вылитый я».

От этой мысли делается скучно.

Между тем Коломбина поворачивает на дорогу, ведущую к реке; дорога эта примечательна тем, что петляет без очевидной необходимости, притом предпочитает нырять в буераки и карабкаться исключительно склонами нескончаемых косогоров. Встречаемся с первым из них — и Коломбина опасно накренивается, скрипя поведённым, как подозреваю, кузовом. Сомлевший парень кулём вдавливаются в дверцу, стекло в которой опущено, и едва не вываливается наружу. Встрепенувшись, нащупывает ремень, бормочет, пристёгиваясь: «Блин, дороги у вас...».

— Думаю, бывали и похуже, — замечаю ему.

— Гонишь, дед (в голосе парня — ленивое неверие). Ну-ка, когда это было?

— А сразу же после гражданской войны, в которой красные и белые истребляли друг друга. — И, памятуя уровень преподавания истории в школе, поясняю: — Она была совсем недавно, меньше ста лет назад.

Парень наморщивает лоб: «А, ну да...», уставляет на меня чёрные дыры очков (конечно же, никакой он не Азазелло, но переносицу вдруг обожгло, словно кто-то притронулся к ней раскалённым прутом):

— Ну?

— После бешеного революционного романтизма заниматься прозаическими дорогами — как шампанское заедать заплесневевшим сухарём... Преснятина, короче говоря. К тому же вековечное бездорожье сибиряками воспринимается как природная данность, да и бюджета у свежеиспечённой совдеповской власти не было. К примеру, за неимением обыкновенной писчей бумаги и тех же чернил приказы, протоколы и прочие официальные документы писали огрызком карандаша на оборотной стороне обоев. (Здесь я понимаю, что наговорил ненужного, и решаю поворотить разговор в другую сторону.) Кстати, читал сказку «Три толстяка» Юрия Олеши? Тоже на обоях написана.

Парень дёргает кончиком кривоватого греческого носа.

— Мне по барабану, кто и на чём тогда писал, — замечает он, и голос его делается отрывистым и от слова к слову раздражается всё более. — Меня другое прикалывает: а чо это дороги у вас — как после гражданской? Если разобраться, так бабло за проезд не я тебе отстегнуть должен, а ты мне. Компенсация, понимаешь?

Плечистость парня, громада его кулаков и категорический тон кого угодно подтолкнул к догадке: вероятнее всего, сей мускулистый отрок подвизается исключительно на рэкетирском поприще. Потому отмалчиваюсь: супротив правды, как говорится, не попрёшь, да и разговор начинает вязнуть, словно ириска в зубах: ну её к лешему, тягомотину эту...

— А если река такая же беспонтовая, как дороги, ты, дед, свозишь меня за бесплатно. Ничо, не обеднеешь.

Парень как будто подшучивает, но улыбочкой не утруждается. Хорошо же, я тоже ёрничать умею: на берегу реки как будто невзначай высажу его рядом с местными — зыряновскими — ребятами, и пусть только попробует позубоскалить с ними так же запросто, как и со мною!..

— Колись, бомбила: на хлеб с маслом и икрой заколачиваешь?

Вот же прилип, мокрогубый банный лист!

— Не шугайся, дед, я не налоговый инспектор! — настаивает парень, подкрепляя свои слова запанибратскими, но довольно-таки чувствительными подталкиваниями.

Да я и сам вижу, что из тебя такой же налоговик, как из меня балетмейстер!

Отвечаю пронизывающе-сырым, как осенний ветер, голосом:

— Бомбить — это как в лес по грибы ходить, наберёшь или нет — неведомо.

А хлеб, как и весь народ вокруг, в редкие скоромные дни маслом ублажаю, в постные — и частые — маргарином удовлетворяю, во все прочие не гнушаюсь солью припорошить. Икру, кстати говоря, предпочитаю кабачковую.

Выслушав, парень одобрительно замечает:

— Ну, ты, дед, и темнила!

Другого ответа он, конечно же, и не ожидал: его окружение чистосердечность полагает ересью. Или лошизмом? Нет, наверное, правильное сказать — лошарством... Или же, по аналогии с «величеством» — лохучеством? Тьфу ты! Эдак, чего недоброго, мозг последнюю извилину вывихнет! Сегодня же позвоню приятно филологу, попрошу разъяснений.

Ага, пока я развлекаюсь отвлечёнными мыслями, старая знакомая объявилась...

Объезжая её обочиною, говорю:

— Здравствуй, лужа!

Парень хмыкает, пожимает плечами.

— Не врублюсь... С лужей, что ли, поздоровался?

Молча киваю головою. Да и сказать нечего.

— Ну, дед... — бормочет явно обескураженный парень и допытывается: — А чо только с этой? Вон их — полно!

— Верно, много.

Фраза неосновательная, но без обиняков даёт понять: разговор мне неинтересен. Однако отбояриться от парня не так-то просто: приговаривая «колись, дед, колись давай», он принимается подбадривать меня теми же подталкиваниями (подзреваю, это единственная его аргументация).

— Видишь ли, — объясняю покороче: подъезжаем к берегу реки, — эта лужа высыхает последней, а жизнелюбие достойно уважения.

Парень почему-то заходится хохотом.

— Чего... достойно? — хрипит он, сдёргивая очки и вытирая глаза ладонью.

...Оказывается, глаза у него голубые, с грязновато-серыми крапинами, будто вмёрзшими в роговицу ледяными кристаллами, а закоченевшие зрачки так и норовят вбуравиться в самую душу... Верни очки на физию, прошу тебя!..

Как будто послушавшись, парень насаживает «терминаторы» на нос.

— Человеческого уважения, — убеждающе повторяю самому себе. И, приглядывая, где на берегу удобнее остановиться, зачем-то прибавляю ненужные слова: — Потому всегда с нею здороваюсь, и, по возможности, стараюсь миновать стороною — глядишь, нерасплёсканная, она проживёт подольше.

Парень снова хохочет:

— Ну, дед... всяких разных придурков встречал, но такого отмороженного клоуна, как ты, в природе, первый раз вижу... — И вдруг истошно вскрикивает: — Какие здесь тёлочки! Тормози!

Коломбина идёт юзом — картечь галечника громоподобно гвоздит днище.

Парень выпрыгивает из машины рядом с троицей девиц, едва прикрытых цветастыми ниточками бикини, и, обернувшись ко мне, шепчет:

— Дед, я сейчас махом сниму какую-нибудь из них или всех сразу, а ты замути хату, бабло, если чо, не вопрос... Короче, — выдёргивает из кармана скомканные банкноты, протягивает одну, — держи пока столыник, а через полчаса подваливай обратно.

Коломбина взывает вентиляторами... Даже она оскорбилась!

Нет, парень, не «подвалю»: надоел ты мне. А с лужей ни встретиться, ни поздороваться не позабуду.

Англичане

— Ты английский язык знаешь?

Впору подивиться: деревенское общество этот вопрос и подобные ему относит к категориям «не задаваемые», «шутейные», но Лида, диспетчер такси, так часто и нетерпеливо дышит в трубку, что немедля отвечаю, мол, в школе немецкий проходил, и именно прошёл его, ибо без словаря пойму разве что «хальт», «хенде хох» и «Гитлер капут». Услышав вздох разочарования, спешу обнадѣжить:

— Но английский знаю лучше. А зачем он тебе?

— Да тут, понимаешь, двое англичан, чтоб их, на голову свалились! — ошале-ло верещит телефон; отдёргиваю его от враз засвербевшего уха. — Ты, наверно, их видел, они вчера на большущих таких мотоциклах по посёлку гоняли!

Конечно, видел. Незнакомцы, в коих без труда распознавались иноземцы, были густо обрызганы грязью и припорошены пылью, их некогда чёрные байки, костюмы чёрной кожи и чёрные же шлемы, подрастерявшие и первозданный цвет, и жѣсткую инфернальную щеголеватость, гляделись купленными оптом на распродаже залежалых товаров. Тогда ещё подумал: «Забугорные геологи, охотники, плотоводы в наши тмутаракани издавна зашмыгивают, к ним уже попривыкли; байкеров впервые занесло».

— Слушай, ты по-английски кумекаешь насколько лучше? — спохватывается Лида.

— Ну, знаю слов приблизительно около тридцати, — говорю без тени бахвальства, со сдержанным достоинством. — А ты что же, познакомиться с ними решила, или от них тебе какая-то печаль?

— Да мне-то что, мне-то никакой, — уже успокоенно тараторит Лида, — просто эти ироды сейчас в кафе, — в том, что на выезде, в «Гурмане», — к барменше Катьке вяжутся, бормочут ей что-то, руками машут, а сами пьянющие в лохматинушку...

О, вот это уже интересно!

— ...ну, она и давай мне названивать, лихоматом кричать: «Лидка, увози их на хрен отсюда как угодно, куда угодно, хоть к чёрту на рога, а то придолбали они меня тут совсем!». А как увезу, когда по-русски они, сама Катька только что рассказывала, кроме «спасибо» и «пожалуйста» ничего больше не лопочут? Слушай, выручай меня и Катьку, забирай из кафе этих импортных пьянчуг!

— Они точно англичане? — спрашиваю, размышляя, как не проворонить случай встретиться накоротке с гостями из туманного Альбиона. — Если они португальцы какие-нибудь, так я по-ихнему — ни слова, ни бельмеса...

— В посёлке бабы говорили, своими ушами слышала: оттудова они, с Англии этой самой, ну, стало быть, ты даже и не сомневайся, что так оно и есть! — с едва

сдерживаемым нетерпением возражает Лида. — Давай, забирай их поскорее, а то Катька мне всю плешь проест!

Ещё со времён работы в районной газете я накрепко уяснил: на уровне деревни последние известия сарафанного радио — непомерно детализированные, зачастую, как ни странно, достоверные — далеко опережают информацию официальную, потому, сразу же ободрившись, говорю:

— Звони Кате, пусть втолковывает им: «Такси! Форвард!» — и показывает на дверь. Любые непонятливые сообразят: приглашают выметаться. Дальше — моя забота.

Лида раздражается торопливыми благодарственными излияниями. Не дослушав, мысленно строго-настрога предупреждаю Коломбину: «Оконфузишь перед иностранцами — продам задёшево первому же встречному!», еду к кафе, пытаюсь припомнить подходящие случаю английские слова, но все они, кроме «плиз» и «хэлп», вдруг словно провалились куда-то... «Ничего, положусь на вековечное „авось“», — приходит простейшее решение, поторопленное следующим обстоятельством: едва подъезжаю к кафе, как из его распахнутой двери вываливаются двое мужчин, сжимающих в каждом кулаке по паре бутылок пива «Heineken».

Что это искомые англичане, не сомневаюсь. Взор едва ли не каждого иноземца изливает кичливое пренебрежение на увиденное, второпях не познанное; свободный в словах, вольный в движениях и жестах, он глядится расхлябанным рядом с нашим трезвым соотечественником, который, вознамерившись пошевелиться или улыбнуться, или произнести хотя бы слово, по вьёвшейся привычке осторожничать тут же призадумывается: мол, а надо ли? — и так и продолжает стоять насторожённо-безмолвным пограничным столбом. Состояние подпития несколько не умаляет вопиющих различий; признаться, меня это обескураживает... Словом, отличить Джеймса от Ивана так же легко, как самосвал «КамАЗ» от садовой тачки. Вот и эти двое, даже изрядно подшофе, ногами кренделя выписывают не балетные, а едино устойчивости ради, и бутылки держат не напоказ, как подгулявшие миллионеры, и не заявляют о себе воплями и песнями на всю округу, и, наконец, не выказывают намерения заехать случайному прохожему в физиономию. Коротко говоря, бритты ведут себя настолько чудно, что всякий наш соотечественник, едва взглянув на них, тотчас же разоблачит: «Не наши люди!»

«Интересно было бы узнать, по какому поводу они так набрались», — думаю ни с того ни с сего. И тут бритт, тот, что повыше, завидев меня, приветственно взмахивает бутылками, радостно блестит белейшими зубами, не иначе как фарфоровыми (ну, а какими же ещё), и, оборотившись к товарищу и кивнув в мою сторону, живо говорит ему что-то. Оба они запинаящейся трусцой устремляются к машине. Не успеваю я удивиться, как это бритты определили, что перед ними именно такси, а не обычный автомобиль, ведь нет ни жёлтого фонаря на крыше, ни шахматных наклеек на дверцах, как они усаживаются, мгновенно пристёгиваются ремнями и, улыбаясь шире, чем лучшему другу, вперяют в меня выжидательные взоры.

(Беглая зарисовка бриттов с натуры.

Шорты, футболки, бейсболки, — ни тебе бород, ни усов, ни даже вытатуированных волков или драконов, — ничего от inferнального. Один питок чуть выше другого; тот, что пониже — немного потолще. Высокий — блондинистый; тот, что пониже — брюнетистый с проседью. Блондинистый показался мне внутренне собранным настолько, будто в него вколотили стальной штырь, очевидным ли-

дером, но по каким-то своим соображениям натянувшим маску пусть благоденствующего, но незначительного офисного индивида. Брюнетистый рядом с ним выглядит увальнем, но глаза — неугомонные, ртутные — невольно подталкивают к мысли: э, нет, здесь не всё так просто...

Словом, эти незаурядные субъекты способны левою рукою действовать радикально, правую удерживать страсти в узде.)

«Пьяные до изумления, сообразили пристегнуться, — одобряю про себя, — а наших и трезвых не уговорить».

Включаю магнитолау. «Бэби итс ю, ша-ла-ла-ла-ла...» — зачаровывают «Битлз», но не пассажиров: те и ухом не ведут. Весьма странно!.. Да англичане ли они?

Спрашиваю:

— Отель?

Непрестанно улыбаясь, бритты раз за разом кивают головами (на удивление слаженно, словно незримые команды выполняют).

В посёлке четыре гостиницы, и в которой обретаются бритты — вопрос... Быть может, они помнят название, но это очень вряд ли.

Ладно, начну с первой по курсу.

— «Ленатур»? Там, где памятник Ленину?

Бритты протестуют:

— Ноу! Ноу!

Да уж, попробуй тут, разбери, — то ли гостиница не та, то ли Ленин не по нраву.

— «Профилактикой»? — продолжаю гадать, и бритты, наморщив лбы, как это делают все люди, безуспешно пытающиеся что-то припомнить, тревожно переглядываются. Наконец блондинистый вытягивает руку (а рука, успеваю заметить, холёная, женственная, как у пианиста, и это весьма удивительно), тычет ею: мол, туда, вперёд. Затем, заворотив ладонь направо, пытливо взглядывает на меня: сообразил, нет?

— Прямо и направо, потом видно будет? — спрашиваю, и блондинистый, утвердительно сказавши «йес!», повёртывается к своему напарнику, лопочет короткую фразу — и оба хохочут (блондинистый — раскатисто, брюнетистый — словно уславливаясь: мол, отчего бы и не посмеяться?), посвёркивая своими ненатурально белоснежными зубами.

А мною вдруг овладевает неотчётливое чувство, сродни приблизительно такому же, когда, без подозрения разглядывая подарок, сокрытый под непрозрачной или абсолютно не информативной упаковкой, принуждённо повторяя «ах, премного вам благодарен», мысленно машешь рукою: мол, да ничего, если что, так выбросить недолго...

Что ж, учту: предчувствие обманывает меня крайне редко.

На въезде в посёлок скороговорю:

— Если я правильно понял, так напрямиком, что ли?

— Йес! — сейчас же откликается блондинистый. А ведь по-русски разумеет всего два слова. Интересно...

Между тем Коломбина отпрыгала по колдобинам центральной улицы и молодцевато выкатывается на площадь, где на стоянке у супермаркета рядом с новёхоньким нежно-бежевым джипом «Мицубиси» и древним ужасно-оранжевым «Москвичом» апатически усталились в асфальт корова и телёнок. Напротив, через ручей, у здания казначейства — стихийные торговые ряды: на вешалах и вороха-

ми — джинсы, футболки, рубашки, платья, халаты и прочее всевозможное тряпье, на земле горами — коробки с турецкими и китайскими шлёпанцами и кроссовками всех размеров. Жара, мошка, немногочисленность — для туристов здесь ничего интересного. Но бритты бойко вертят головами, живо, словно итальянцы, показывают руками во все стороны и, похохатывая, переговариваются; частенько звучит словечко «бэд» — «плохо». Нетрудно догадаться: бриттам всё вокруг решительно не нравится. Поначалу мне это просто не по сердцу (хотя в душе я с ними согласен), но вскоре приводит в состояние закипающей раздражительности, ведь только я, пусть не коренной, но местный житель, обладаю неоспоримым правом заявлять, что, мол, вокруг и то плохо и это, и это и то дурно, а у гостей лишь одно одолженное им право: помалкивать и вежливо улыбаться.

Покосившись на пассажиров — «Европейцы, а ведёте себя хуже деревенских баб...» — всё той же скороговоркой несущая тарабарщину:

— Смекаю: вправо — вправду, или как?

Ничуть не задумавшись, блондинистый отзывается: «Йес!» — и я невольно взглядываю на него пристальнее. Ответный взгляд озадачивает, и вскоре понимаю почему: трезвые у бритта глаза. Или почти трезвые. Что-то становится всё интереснее и интереснее...

— Да вы, однако, ребята хваткие... — адресуюсь словно бы и не к бриттам, а самому себе. — Байкеры вы ряженые, — это раз. Умудрились протрезветь за какую-то минуту, — это уже два. Подозреваю: русским языком владеете не хуже меня, а ведь это, ни много ни мало — уже три... Не многовато ли будет?

Договорив, поворачиваюсь к блондинистому. Он так и буравит меня заходящими глазами; надо спешно разрядить грозовую обстановку.

— Бормотать себе под нос — привычка довольно скверная, понимаю, потому прошу простить...

Блондинистый неотрывно, безмолвно глядит на дорогу.

И вдруг — вот она, разгадка запоя бриттов...

— Сегодня новостные сайты уши протрубили: английская принцесса родила наследника престола. Поздравляю!

Ни тот ни другой не обращают на меня внимания. Ладно, я не из обидчивых.

— Вы преисполнились верноподданническим восторгом — и обкушались. Бывает.

Молчат. Ну что ты будешь с ними делать...

— У нас по случаю рождения престолонаследника не напиваются: у крестьян другие приоритеты. Вот, скажем, свинья опоросилась... Ну как же поросенок — ведь они ближе, роднее — не обмыть?

Нагло игнорируют. Чёрт с ними. Я тоже хорош — распинываюсь перед кем ни попадя...

Развилка.

— Налево?

Блондинистый кивает (вероятно, забылся; немудрено: выпил, расслабился). Ага, вот где вы, значит, поселились — в «Профилактории»...

Выруливая на улицу Партизанская, указываю бриттам на малиновую «Оку», украшенную чёрными кружочками, удивительно похожую на прыткую глазастую божью коровку:

— Поглядите-ка! (Те, заворотив головы, провожают автомобильчик глазами навывкате, хором восклицают: «О! Шокинг!») Рашен дизайн вэри вэл! — втолко-

ываю бриттам; они наперебой соглашаются со мною. — Но рашен хайвей, сами видите — совершеннейший даббл фак! — обмолвливаюсь вдруг со злостью, себя самого удивившей.

Бритты закатываются хохотом. Блондинистый — дробным баритоном, мелко вздрагивая животом и щеками, брюнетистый — рыдающим баском, пряча лицо в ладонях.

— Но ненадолго, — гремлю голосом, — потому что Путин — претти президент! Наведёт порядок, не сомневайтесь.

Брюнетистый смеётся, но как-то оторопело. Блондинистый молчит, распяливает губы улыбкою, глядит обледеневшими глазами.

— Путин — форевер! Ясно вам? Йес, то есть?

Брюнетистый старательно покашливает в кулак. Блондинистый искривляет склеенные губы, его физия — как посмертная маска.

Мне делается как-то неловко... И зачем набросился? Ведь я не злой.

— Хорошо, ваша королева Елизавета тоже — «претти» и тоже «форевер». Довольны?

Помалкивают. Ну, ребятки, на вас не угодишь!

Вот, наконец-то, и «Профилактика».

— Приехали. Вытряхивайтесь.

Блондинистый вынимает портмоне, глядит выжидательно. Молча показываю ему сотенную бумажку. Тот, и тоже молча, подаёт мне свою, тоже сотенную. А где же чаевые, сквалыга ты заморская?

— Гуд бай! — улыбаюсь как можно приветливее.

— Гуд бай, — отвечает блондинистый ржавым голосом.

Выбравшись из машины, бритты от всей души ударяют дверцами.

Ах, какая невоспитанность! Ну, так ведь — Европа, козёл её забодай...

2014

Пустой день

Трудовые будни сельского таксиста порою «изукрашиваются» курьёзами избильнее, нежели осенью рябиновые или облепиховые кусты красными или жёлтыми ягодами. Водителю городского такси, пожалуй, никогда не приведётся испытать их самобытное очарование, прочувствовать, что называется, своею шкурою, потому нелишне познакомить его с ними на примере одного дня его сельского коллеги — собственно, меня самого.

Сегодня утром мне понадобился длинный «советский» гвоздь: нынешний сгибается после первого же удара молотком по его «сыромятному» телу, причём раболепнее, нежели Европарламент перед Обамою, а потому вырванные из стен, столбов и прочих мест гвозди, на вид кривые и ржавые, я складываю в ящичек: пригодятся. Хорошо помню, как давно, ещё в прошлом веке, решил покрыть шифером крышу, и ничего не вышло — гвозди в сухую сосновую обрешётку вбиваться не хотели: гнулись, будто оловянные. Я повертел в руках новенький маслянистый гвоздь на двести и вдруг без особенного напряжения (не иначе как от крайнего раздражения) согнул его под прямым углом. Пришлось искать, выдёргивать старые гвозди, и они, выпрямленные, вошли в дерево с такою же молодцеватостью, как и в юные для них времена хрущёвской оттепели.

Отыскав нужный, но чересчур причудливо изогнутый и перегнутый гвоздь, устанавливаю его на листовничной чурке в необходимое положение, размахиваюсь молотком — и тут же в кармане пробуждается телефон. Ага, вот и первый вызов, и ехать недалеко — в близлежащую деревню.

Кстати говоря, не одним лишь мною подмечено и неоднократно проверено: если первый пассажир — женщина, это нехорошая примета; женщина под хмельком — однозначно сквернее некуда; пьяная и призывающая отвезти в долг — хуже не измыслить, можно уподобить разве что с пожаром в гараже: в самом благоприятном случае день пройдёт впустую. Превосходно сие прискорбное обстоятельство знаю, но, выслушав хмельную даму, вожделеющую добраться до дому после дня рождения подруги без рубля в портмоне, но охотно обязывающуюся отдать долг «завтра же» («Ты пойми: сегодня мужик с заездки¹ приезжает, а меня — здрасьте! — нету; ить прибьёт»), решаю: пожалею дурёху — поеду.

Доставив даму к семейному очагу, еду обратно и на выезде из деревни встречаю двух мужиков на мотоцикле «Урал» с коляскою. Первый — насупленный — рулит, второй позади него держит громадный букет жарков; его загорелое широкоскулое лицо поминутно озаряется конфузливой улыбкой. А не хмельной ли это дамы муж возвращается? Что ж, по крайней мере, застанет её дома.

Заново укладываю гвоздь, ударяю молотком — и одновременно трещит телефон. Вызов, и в ту же деревню. Чертыхнувшись про себя, завожу Коломбину.

Стою у нужного дома минуту, вторую. Дом распяливает веки лет двадцать не крашенных рам, уставляет нечистые стёкла, будто вопрошает: ну, чо тебе надо? Звоню. «Абонент отключен или находится вне зоны доступа». Отгоняя дурное предчувствие, иду к дому, вижу на двери замок. Вызвали такси, а сами уехали, или пошутил кто — уже неважно. Невольно вспоминаю несколько бранных слов, еду обратно.

Возле понтонного моста встречается долговязая черноволосая женщина в чёрном длиннополом демисезонном пальто, обладательница плечистой фигуры, лопатообразных ладоней с короткими узловатыми пальцами, крайне выразительной физиономии, замечательной носом, напоминающим горбатый баклажан, выпяченным раздвоенным подбородком, вдавленными щеками, пронзительными ведьмачьими глазами и кудлатыми бровями вразлёт (и, право, жаль, что без усов и бакенбард), — словом, добротной унтер-офицерской закваски времён взятия Очакова и покоренья Крыма. Старая знакомая — прямоходящая дурная примета! Долой последние сомнения — пропал день!..

Завидев меня, женщина взмахивает руками и, собирая рельефные складки лица в химерическое подобие улыбки, бросается к машине. А я-то как рад тебя видеть — ты даже не представляешь! Сейчас попросишь увезти в долг, пообещаешь завтра же отдать. Сколько обещаний от неё уже услышал, дай бог памяти — не то три, не то четыре: нет, не вспомнить!

— Мне в Жигалово надо! — заявляет она шансонеточным голосом и, путаясь ногами в долгих полах пальто, забирается в машину. Умостившись, сообщает: — Правда, бабла нету, так ить вы же знаете: я всегда отдаю.

Нахальство неопикуемое, но по здешним меркам вполне себе обычное.

— Не жарко? — киваю на пальто. — Июнь всё-таки.

— Заторопилася, схватила чо под руку подвернулося, — не смущается жен-

¹Заездка (диалект.) — от «заезжать»: сезонная, постоянная или временная работа вахтовым методом, преимущественно на буровых вышках.

щина. — Ничо, не упрею... Теперь буду только вас вызывать. Тогда мне и скидка будет, да?

И после томительной минутной паузы начинает рассказывать:

— Столько делов дома, столько делов — ужаси просто! Так и лётаешь тудым-судым, так и лётаешь, как эта... как, в натуре, дура с крыльями. Позавчера мне втемяшилося помидоры высадить. Так ить пора уже: под самый потолок выперлися. Ну, наказала сыну воду в бочки накачать, а сама занялася своими делами...

Что ж, и похмельную думу, где раздобыть пятьдесят рублей на средство для ванн под названием «Боярышник» (спиртовую настойку, местными алконавтами переименованную в «Фумитокс»), можно признать делом.

— ...вечером уже (хорошо так стемнелось!) попёрлася проверить, накачал сын воду или нет. Толкнула одну бочку — пустая оказалась. Ну, тут я и обозлилася — ить сказала же накачать! И со всего психу пнула вторую, — а она, блин, полнёхонькая! Всё бы ничо, да нога в тапок была обута; палец сломала чо ли — токает, сил нет...

Завралась голубушка: к машине прибежала, а должна бы приковылять. Всё же советую ей обратиться к врачу.

— На хрен этих лепил: я их боюся! Как увижу белый халат — сердце аж в горле стукотит! Не везёт в жизни — повезёт в любви, — сворачивает женщина на другую тему, очевидно решив для себя, что жалостливую струну затронула достаточно чувствительно, пора перейти на лирику. — Вот у меня первый мужик был... Хорошо мы с ним жили. Правда, недолго: забрал все деньги, какие были, поехал в город купить чего-нибудь к Новому году — и потерялся. Менты его искали, да без толку. Так и пропал с концами.

Подъезжаем к Жигалово, и вдруг из подлеска, где особенно плотно столпились невысокие сосенки, выдирается бык, одурело мотая башкою, мчится напереперез. До него метров десять, а скорость машины не меньше ста. Глумливо бык выбрал место для пробежки: справа — кладбище... Давлю на тормоз, выталкиваю рычаг автомата в нейтраль, выруливаю на встречную полосу, благо на дороге никого нет... кисточка промелькнувшего бычьего хвоста едва не сбивает правое боковое зеркало...

— Двадцать лет прошло как сгинул, — продолжает женщина совершенно равнодушно, демонстрируя загрубевшие нервы или отсутствие таковых. — Правильный был мужик, до сих пор его вспоминаю. Искала такого же — не нашла. Как с отсидки вернулася, тоже искала. Ничо, найду — какие мои годы! Вот и приехали. Спасибо, что подвезли. Я всегда вас вызывать буду, — искреннейшим голосом обещает она, выпрыгивает из машины и, подхватив полы пальто, широко шагает к магазину.

У меня, слава богу, нет лагерной закалки, потому, лишь только откатился приступ знобкого запоздалого страха, еду дальше. «Домой! К чёрту эту таксовку! Вот заберусь в интернет... нет, лучше займусь гвоздём».

Укладываю гвоздь, ударяю по нему молотком, — телефон рассыпает зловредные трели (довольно странная прослеживается закономерность: удар молотка — звонок телефона).

Неведомая девица шелковистым голоском интересуется стоимостью проезда до деревни Якимовка и обратно, затем просит забрать оттуда ребёнка («Некогда самой-то») и привезти в Жигалово. «Дом запросто найдёте: как, значит, в деревню заедете, так он будет, кажися, четвёртый, чо ли, справа; там, если чо, у кого-нить

спросите». Отказываюсь категорически. «Ничо, тогда сама прокачуся», — не огорчается девица и называет свой адрес. Выругавшись про себя, иду к Коломбине.

Подъезжаю, звоню, — на экранчике телефона высвечивается надпись: «Номер скрыт». Похоже, девица развлекается или чаемою недоступностью, или ложными вызовами. Сигналю. Никто не выходит. Захожу во двор. Так и есть: верандовая дверь на замке.

Во двор заглядывает дебелая женщина.

— Такси вызовет, а сама, курва такая, зашкерится², — обличает хрипловатым голосом, проворно ощупывая меня любопытными глазками. — Соседка я евошная³, — сообщает словоохотливо. — Хоть ты говори ей, хоть нет! — заявляет мне уже в спину. — Из глухой деревни переселилася, умишка — ни хренишка, а зубы насобачилася выставлять! Дождётся — харю-то ей расчешут!

Заново укладываю гвоздь, ударяю молотком раз, другой, — гвоздь пребольно «стреляет» в пальцы, но выпрямляться не желает. И тут же верещит телефон (похоже, сегодня он приохотился издеваться надо мною).

Приятный женский голос называет адрес. Приезжаю. Из калитки нетвёрдо выбирается девица, — ещё одна старая знакомая.

Блокирую двери, приспускаю стекло. Заявляю решительно:

— Вам уже было сказано: в мою машину вы никогда не сядете.

— Чо ты тут опять развыкобенивался-то? — нахально улыбается девица; зажатая в углу рта сигарета подёргивается, сеет пепел на футболку. — Ну, бухнула я — и чо? И вообще, тебя вызвали — вези давай! — Она рвёт ручку двери. Коломбина медленно трогается. — Да пошёл ты! — Девица ударяет кулаком по левому зеркалу, промахивается, едва не падает в густую придорожную грязь.

Еду мимо автобусной остановки. Рядом с нею никнет маломерная фигурка в годах преизрядных; она встречает меня столь красноречивым взглядом, что, кажется, Коломбина останавливается прежде, чем я догадался это сделать.

— В аптеку, — отвечает старушка на вопрос, куда едет.

Приглашаю садиться — отказывается: денег на такси нет. Уверяю, что сегодня вожу бесплатно — вглядывается пытливо: не спятил ли?

— Так уж получилось, что пришлось двух пассажиров за «спасибо» увезти. А бог троицу любит. Желаете быть третьей?

— За бесплатно-то чо не съездить, — соглашается женщина. — Мне лекарств купить надо, а я автобус этот замучилася ждать; поди опоздала уже.

— Напраслину промолвить изволили, сударыня, — говорю, произвольно изображая развязного лихача на козлах щеголеватой рессорной коляски с жёлтыми английскими дутыми шинами, насилу сдерживающего нетерпеливо всхрапывающего тысячного серого в яблоках рысака. — Даже не сумлевайтесь — единым духом домчу.

Возразив: «Нет уж, ты лучше потихонечку», она, кряхтя, долго закарабкивается в машину, медлительно усаживается, неторопливо пристраивает подле себя невесть откуда взявшуюся кривоватую палку, смахивающую, как мне почему-то показалось, более всего на волшебную клюку, основательно умещает на коленях объёмистую старомодную клеёнчатую сумку, после этого ублаготворённо вздыхает и без промедления заводит разговор, в коем причудливо перемешивает крестьянские печали («Ить картошку скоро огребать, а силёнок уже нету», «И чо

²Зашкериться, шкериться (диалект.) — спрятаться, скрыться.

³Евошная (диалект.) — её.

её, мошкару эту проклятушую, никак не догадаются перетравить?»), внезапные доморощенные политические эскапады («Жириновского, чо ли, позвать, пусть порядок наведёт!») и премудрость жизни («Стирать надо только по женским дням, это я тебе точно говорю. Если постираться в мужской — это, значит, получается понедельник, вторник и ещё четверг, — то, значит, или ветрище поднимется, бельё всё как есть расхлещет, или дождина пойдёт, или ещё какая-нить пакость обязательно стрясётся»).

Крепко ухватившись за мистическую тему, старушка начинает увлечённо повествовать про домового (уважительно именуя его «дедушка-суседушка»), который, по её словам, «живёт в каждой избе, и с ним лучше дружить, кормить его и справлять именины». Здесь Коломбине довелось обгонять девушку, вышагивающую посередине моей полосы вольнее, чем по своему двору, потому лишь и запомнилось, что «дедушке-суседушке вечером кашу в блюдецке накладывают, хлеба кусочек положат, чаю нальют или же молока, — короче, кто чо может; а в день рождения дедушки-суседушки его желательно конфетами побаловать, можно и стопочку поднести, — чо он, не мужик, чо ли? Угостишь дедушку-суседушку — и душа на спокойе». Умеряю резвость Коломбины, спрашиваю, есть ли на свете нечистая сила. Старушка искоса обзирает меня блёклыми глазами, словно спрашивая себя, надобно ли откровенничать перед кем ни попадя, затем, пожевав губами, неторопливо выговаривает: «Встречалася...» — и сухонькою рукою, испестрённую пигментными пятнами, осеняет себя крестным знамением. После своего таинственного засвидетельствования женщина умолкает; поторопить её не решаюсь.

— Годов этак пятьдесят назад поздно вечером я домой возвращалася, — внезапно говорит она. — Осень чо ли, была... да, осень. Иду, примечаю: чо-то быстро стемнелось, луны, помню, совсем не видать и звёзд тоже. Да мне-то чо до этой луны, если я при всяких потёмках с дороги никогда не сбивалася, а тут темнотища — не как в погребке, хоть чо-то разглядеть всё-таки можно. Иду, значит, по своей улице и знаю, что сейчас я мимо дома бабки Пелагеи прохожу, а после него — пустое место, там тоже дом когда-то стоял, да сторел давно, и строиться там никто ни в какую не хочет. Ну вот, прохожу бабкин дом, иду мимо этого самого пустого места. Интересного ничего нету: остатки горелого сруба и ворот; крапивой и лебедой всё как есть позаросло. Вдруг вижу, что у ворот какая-то простоволосая старуха стоит, на меня уставилася. Ну, думаю, стой себе да смотри, хоть засмотрися — чо мне до тебя, ить ты мне не родня. А потом как толкнуло: чо-то здесь не то... Оглянулася: старуха на том же месте стоит. И тут заметила я, что волоса её, седые, длинные такие, шевелятся, будто от ветра, а ить ветра-то никакого нету; и глаза её вроде бы как светятся. Помню, посмеялася про себя: «Надо же — первый раз в жизни померещилося!» Шагнула раз-другой, снова оглянулася. Гляжу — волоса у старухи уже развеваются, лениво так, будто растревоженная тина в реке, а глаза тлеют синим огнём, как угольки в печке. Ну, я не особо-то испугалася: молодая была. Иду себе дальше... и тут не выдерживаю, оборачиваюся, — а старуха эта шустренько так пробирается ко мне напрямиком через крапиву... Ещё подумала: от меня, можно сказать, грохоток на всю улицу, а от неё — ни тебе звука, ни шороха, будто она по воздуху плывёт, и кругом тоже всё будто враз повымерло — ничего не видать, не слышать... Тут на меня страх напал. Развернулася я — и бежать. Через не помню сколько оглянулася... старуха за моим плечом! Руки ко мне протягивает, глазами как всё равно паяльными лампами прожигает, волоса у неё — стоймя, и колотятся,

гнулся во все стороны, будто тальник в пургу; а лицо у неё вроде есть, вроде бы его нету совсем, и тут же оно мне вроде бы как знакомое, будто я старуху эту где-то видела... Вот тут меня вовсе страхотье взяло... Хотела закричать что есть моченьки — ить не могу: горло у меня будто верёвкой передавленное... Бегу, задыхаюся, затылком чую — старуха не отстаёт... Вроде бы всю свою улицу пробежала, уже и ноги заплетаются, уже перед глазами мелкие такие красные мушки замельтешили, а улица никак не кончается, и дома моего всё нету... Подумала: «Куда он подевался-то?» — и тут вдруг поняла: улица вовсе даже не моя, а чужая какая-то!

Подъезжаю к аптеке, останавливаюсь на обочине перед пешеходным переходом. Старушка, не замечая ничего вокруг, продолжает рассказывать:

— И как только я решила, что, мол, тут-то и погибель моя пришла, — тут же и вспомнила эту старуху! Ещё удивилась, почему не сразу, ить за сорок лет она нисколючки не постарела... В детстве мы любили ночами по соседским огородам пакостить, а чаще всего в огороде этой самой старухи: репа у неё всегда вкуснющая вырастала, мы её с грядки подчистую выдирали, а заодно уж огурцы, капусту воровали, горох вместе с ботвой выдёргивали. Старуха на нас ругалась, лихома-том кричала: мол, припомню я вам, погодите, все вы у меня ещё наплачетесь, — а нам-то чо, мы рожи ей корчили, камнями в неё швырялися, по-всякому над ней потешалися, пока она не померла... И как только мне всё это припомнилось, так сразу же из-под земли как будто бы, — вот он, мой дом... Вбежала в ограду — не знаю как калитку не проломила... Мать сразу: «Ты чо белая вся?!» А я ей: «Собаку испугалась»...

Короткий резкий стук в боковое стекло ударяется в самое ухо. Старушка замолкает, судорожно сдавливая руками сумку; я переживаю нехороший холод в животе.

Приоткрываю дверцу. Флегматического вида мужик уведомляет покойным голосом: «Левое заднее шипит». Вылезаю, осматриваю перекошенную Коломбину (обочина дороги приметно наклонена влево), полуспущенное колесо, озадачиваюсь: домкрат здесь бесполезен. Спыхватившись, разыскиваю взглядом рассказчицу и не нахожу её ни в кабине, ни нигде вокруг; когда, куда за какую-то минуту поспела исчезнуть — загадка... «А не вёз ли я, часом, саму нечистую силу? — вступает в голову чудная мысль. — Нет, вроде бы волосы у неё не шевелились...»

— Запаску вытаскивай, баллонник, — спокойно говорит мужик. — Отвинчивай гайки, а я машину подыму.

Оглядываю мужика, не наблюдаю ни единого признака, верно указывающего на молодецкую силу, способную покорить Коломбину весом в тонну триста: фигура у него присутуленная, худощавая, этакая не статная, разве что пудовую гирию одолеет. «Пусть хотя бы попытается...» — усмехаюсь про себя, вынимаю запасное колесо, баллонник. Открутив гайки на колесе, ожидающе гляжу на самозваного Геракла. Тот ухватывает Коломбину за днище, без видимого напряжения приподнимает её левую сторону. «Однако!» — оторопело проносится у меня в голове...

— Ты чо стоишь? — недоумевает мужик. — Ставь запаску.

Как никогда скоро меняю колесо. Мужик возвращает «обутую» Коломбину на прежнее место, невозмутимо отряхивает ладони одна об другую; странно, что он не утомился, и даже дыхание как будто не сбилось. Проникновенно произношу благодарственные слова — мужик пожимает плечами: «Делов-то...» Предлагаю отвезти куда пожелает — мужик качает головою: «Не, мне пока никуда не надо».

Ещё раз благодарю, отъезжаю. И тут же сдаю назад.

— Рассказывали: недавно кто-то годовалого поросёнка кулаком убил. Не ты? Мужик тяжело и несколько смущённо вздыхает.

— Баба моя в командировку на неделю уехала. Я, понятное дело, сразу же умотал на рыбалку. Через два дня вернулся — поросёнок с голодухи визжит. Пришёл в стайку кормить этого проглоты, а он меня за сапог ухватил. Ну, тут я ему с легонца по лобешнику и вдарил. А он чо-то хвост откинул. Чо ж, разделать пришлось. Баба, как вернулась, расскандалилась: «Убивец, хуже тебя никого нету!». Ну, тут я ей по-хорошему: «Ты чо разоралась-то? Мясо — вот оно, в морозильной камере». Заткнулась, конечно.

Привычно подивившись про себя неизбежности деревенских характеров, еду на шиномонтажку, после — на недавно асфальтированную площадку перед подбоем северного балка⁴, украшенного вывескою «Автокасы» (из местечковой гордыни балок именуют автовокзалом, хотя он напоминает автовокзал так же, как Коломбина — троллейбус), где уже толпятся автомобили нелегальных таксистов — бомбил: похоже, пустой день не у меня одного. «Чо, законник, вызовы прут?» — встречают меня непременно вопросом; не замечая незлобивой подковырки, отделяюсь всегдашним ответом: «Сегодня не очень» и присоединяюсь к общей компании.

Пожалуй, здесь необходимо короткое отступление.

Деревня не чета городу: легальных и нелегальных таксистов не желают различать ни полиция, ни ГИБДД, ни даже пассажиры: оранжевый фонарь служит маяком для одних лишь приезжих, поскольку деревенские «своё» такси отличают с такою же лёгкостью, с какою хозяйки находят в стаде вроде бы единообразных для горожанина коров своих Зорек и Красулей.

Надо сказать, нелегальные таксисты своё занятие незаконным не находят: деревня, втянутая в режим самоуправления, немедля занемогла безгосударственным, необщинным анархо-крестьянским миропониманием (в коем разного рода нелегалы, они же исконно одобряемые мужиками хозяева-единоличники, нелегалами не являются), — короче говоря, отнюдь не так, как задумывалось отечественными либеральными мужами, отроду не изведывавшими незапамятного деревенского уклада.

В городе борьба за клиента порою вырождается в неоригинальные покушения на личности конкурентов, поджоги их автомобилей и прочие непотребные фигуры, но деревня пребывает в другом правовом поле, для города весьма невнятном, потому открытого соперничества между легальными и нелегальными таксистами не может быть апостериори: пассажир, изрядно избалованный переизбытком предложения, сам выбирает, с кем поехать. Обыкновенно по всевозможным причинам благоволят какому-то одному водителю таксомотора. Это обладатели статуса «постоянные» (езды в долг и прочее; правда, когда статусные пассажиры утомляются автомобилем или одним и тем же лицом за баранкою, или не желают отдавать неприметно накопившийся долг, они своею благосклонностью одаривают уже другого водителя, притом искренне полагают подобные взаимоотношения непредосудительными). Но большинство всецело веряется четырёхколёсной судьбе. Таковые объясняют: «Мне без разницы, — кого первым найду в телефоне, того и вызываю».

Кстати припомнился анекдотический случай со словом «таксомотор».

В июле 2014 года зарегистрировал ИП, всюду повесил объявления: «Таксомотор „Друг“». Режим работы... Телефон...». Вскоре принялись звонить, спрашивать:

⁴Балок. На севере: временное жильё — домик, установленный на полозьях.

«Что это такое — таксомотор?» Двоих мужиков интересовало, не ремонтирую ли я моторы такси. Пришлось переделать текст объявления, напечатать попросту, без закавык: «Такси „Друг“. Режим работы... Телефон...»

Бомбила по имени Боря продолжает прерванную беседу:

— Ну, тут я присмотрелся... Твою, блин, дивизию... медведь! Что тут говорить, я так и прибалдел. Такая вот фигня, — присовокупляет присказку, коей имеет обыкновение заканчивать наиболее значимые куски повествования. (В это время трезвонит мой сотовый телефон.) — Ну, везёт тебе: вызов — как с куста!

Безвестный хмельной собеседник замедленно выдавливая: «Братан... это, подваливай... в палисаднике... тополь... найдёшь, короче». Выключаю телефон, спрашиваю, о каком медведе идёт речь, и Боря рассказывает, как позавчера вечером вёз двух пассажиров и перед съездом в деревню Пономарёво заметил на противоположной стороне дороги нечто непонятное.

— Издалека показалось — человек, а поближе подъехал, гляжу — медведь. Здоровенный такой, присел на задние лапы, а передние на груди сложил. Такая вот фигня. Поравнялся, смотрю на него (стёкла-то опущены), он — на меня... и вдруг как бросится!.. Я моргнуть не успел, а он уже в окно пропихивается... Да, забыл сказать: на переднем сиденье мужик сидел, а на заднем — баба. Мужик смолчал, а баба взревела как полудурушная... Медведь, видать, испугался, башку выдернул, бежит рядом, прыжками. А прыжки у него, я заметил, длинные, лапы лениво так выкидывает, будто не бежит, а развлекается... Ну, тут я притопил⁵; у «Тойоты» уже зад таскать начало (там грейдер прошёл, всю дорогу разворотил), а медведь этот ни хрена не отстаёт. Такая вот фигня. Ну, выруливаю, а сам думаю: «Только бы ему не взбрело машину лапой ударить, ведь сразу под откос улетим, тут он нами и пообедаст». Ничо, обошлось, — отстал. До посёлка ехали — молчали; как подъехали, глянул на мужика, — а у него волосы торчком стоят, вот так. — Боря, изображая торчащие волосы, приставляет к голове ладони с расставленными пальцами. — Спрашиваю его: «Испугался, чо ли?» — а он только глазами моргает. Такая вот фигня.

— А баба эта чо, тоже волосы вот так? — спрашивает второй бомбила, Богдан, шевелит над головою пальцами и хохочет. Боря вдруг смущается.

— Вечером накидку с заднего сиденья снял, а там... короче, баба со страху обмочилась. Такая вот фигня. Ну, сиденье вытащил, в речке хорошенько прополо-скал, к утру оно уже высохло...

А вот в прошлом году тоже случай с медведем был. Ехал я в Чикан, остановился у ручья. Спускаюсь к нему и только собрался воду в бутылку набрать, гляжу — на сырой земле здоровенный медвежий след водой быстро так наполняется, значит, медведь прошёл пару минут назад, и он где-то рядом. Такая вот фигня. Ну, я попятился потихоньку к машине, и тут слышу — шум в кустах. Сразу как отлегло: медведь беззвучно ходит, значит, это не он, а, скорее всего, человек. И точно: из кустов выходит охотник Кешка, друган мой; двустволка, гляжу, у него за плечом висит. Поздоровались. «Что у тебя лицо такое?» — спрашивает. Я ему след показываю. «Это Тимоха прошёл, — Кешка спокойненько так говорит. — Не шугайся: Тимоха мой корефан». Тут я его спрашиваю: «Твой корефан знает, что мы с тобой тоже корефаны?» — «Увижу, скажу, — говорит, а сам лыбится. — Хочешь, догоним, познакомлю?» Я в отказ: «Что-то я корефана твоего боюсь». Кешка говорит: «Тимоха — медведь смиренный, его даже коровы за своего держат». (Боря ирони-

⁵Притопить — значительно увеличить скорость автомобиля.

чески усмежается.) Эти охотники если что-нибудь не соврнут, хуже, чем с похмелья, болят; ну так языком махать — не мешки ворочать.

Помолчали. Богдан вздыхает:

— Мне медведь ни разу не попался... У меня другой случай, — припоминает он, приметно весь оживляясь. — Сегодня должника увидел. Сто пятьдесят рублей два года не отдавать — это... это же вообще никакой совести нет! В глаза ему так и сказал. Нету денег, говорит, а хочешь, так отдам долг сметаной. Думал, я откажусь. Чо ж я, дурак, чо ли, от сметаны отказываться? Приезжаю; он кастрюлю сметаны вытаскивает. Ладно, в расчёте. Так ему и сказал. Только, говорит, кастрюлю не забудь вернуть, а то, говорит, из-за этой несчастной кастрюли баба тот ещё тарарамище устроит. Ага, сказал, отдам... через два года! — Богдан оглушает площадь басистой руладой, мы от души его поддерживаем. — Сразу же обратно привёз, — отсмеявшись, отвечает он на вопрос, что же было дальше. — Хотел денька четыре помурьжить, чего там, да пожалел: баба у него дурная на всю голову, кого угодно загрызёт, даже меня.

В кармане нудно зуммерит телефон.

«Если снова пьяный вызов — поеду, только домой», — решаю про себя, однако собеседница трезвым голосом просит приехать в соседнюю деревню, причём «срочненько, очень, очень срочненько!» Да, знаю вашу срочность! Однажды вот так же позвонили, заголосили: «Ой, быстрее, ребёнка надо в больницу!», я поскакал очертя голову — и что же? Стоял перед домом, звонил, сигналил... Через десять минут неспешно вышла старушка с дитём никак не меньше пятнадцати лет, попеняла мне, что всех соседей переполошил, и на вопрос: «А как же больница, ребёнок? или вот этот двухметровый и есть ребёнок?» ответила: «Попросила сестру такси вызвать; это она вам позвонила, а про больницу приврала, чтоб побыстрее приехали, а то ить вы, таксисты, вечно тащитесь, скорее помрёшь, чем вас дождёшься. На самом-то деле поликлиника нужна: внучек чо-то рассопливился».

Собеседницей оказалась женщина бальзаковского возраста, ясноглазая, крепенькая, как калёный кедровый орешек, вёрткая, непринуждённая до развязности, разумемой деревней обыкновенной.

— Ой, как у вас тут за два года всё попеременялось! — восклицает она, едва Коломбина вкатывается в Жигалово. — Давеча посмотрела с горки, удивилась — ни хрена себе, домов-то сколь много понастроили! Город, ну просто город! Я сама-то в Иркутске теперь живу, — сообщает она и с комической важностью надувает губы, но тотчас же смеётся: — Попервоначалу-то всего пугалась, а потом ничо так, пообвыклася. В большом супермаркете работаю, — медленно, значительно говорит она, быстро взглядывая на меня: оценил ли? Уважительно оглядываю её вздёрнутый носик: «Ого, крутяк!». — Да и работа у меня по сравнению с деревенской не бей лежачего: там полы подтереть, там чо-нибудь подтащить, там товар по полкам распахать, — чо мне, трудно, чо ли? С жильём подвезло: не квартиру снимаю — комнату, зато дешевле и окнами на солнце, и хозяйка попалася своя, бывшая деревенская. Усядемся с ней вечером чай пить — и наговориться не можем, всё вспоминаем, как в деревне коров доили да навоз из-под них вилами ворочали. — Она коротко вздыхает. — В городе хорошо жить, не то что здесь, даже от нечего делать по улицам пройтися, глаза попочуть — няшно-то как, красотища-то кругом какая, господи!

— «Няшно» — озадачиваюсь, — как понимать?

— В городе это сейчас самое крутое слово, — важно объясняет пассажирка. —

Все вокруг трендят: няшно, няшно, — ну, то есть, хорошо, удобно. Ещё слово «ми-мишки» появилось, прикольно, то есть. Удобно: кроссовки няшные, подарок ми-мишный — и все сообщают, об чём идёт речь.

«Вот они, горькие, а на новоязе — мимишные плоды реформы образования...»

— Я бы отсюда ни в жисть не уехала, — признаётся вдруг няшная (или ми-мишная?) пассажирка, — так ить тут мужиков путних хрен найдёшь, все поспилися. А я нормальная баба, мне семью надо, и чо толку, что в деревне у меня был свой дом? Как-то, помнится, зимой, когда морозюка ударил под пятьдесят градусов, выскочила я за дровами, набрала поленьев побольше, чтоб по сто раз туда-сюда не шастать, пошла в избу, да второпях совсем позабыла, что час назад выносила полнёхонькое помойное ведро, оступилася (мужика в доме нету, снег убирать некому, вот и накопился), шлёпнулась, помои все как есть под ноги пролила. Иду это я, значит; а дрова, как назло, попалися все лиственничные, тяжелющие, аж руки разгибаются; и тут вдруг как поскользнулась, да как со всего маху звезданулася на спину, — поленья на меня так и посыпались... Хорошо ещё, что шапку догадалася надеть да шарфом обмотаться, иначе всю морду бы себе раскарябала. Лежу под поленьями, плачу, думаю: «Ну вот на кой хрен сдалася такая жизнь?!» Но недаром говорится: бог — не Яшка, видит, кому тяжко. Утром — словно бы подсказал кто — написала объявлениев штук десять: «Продаётся дом, хороший, тёплый», расклеила у магазина да по заборам кой-где; вскорости покупатели нашлись; сторговались за четыреста тысяч, — не так чтобы хорошо, но всё-таки. Корову родне отдала, распродала чо можно из мебелишки, собрала кой-какие манатки — и в город. На работу махом устроилася, ить руки везде нужны. Вчера приехала погостить, родне немудрящих подарков понавезла, — на распродажах накупила досок разделочных, посуды, всяких там порошков стиральных, шампуней, полотенцев цветастых, из тряпок — маечек всяких разных, трикушек, носочков, трусов, того да сего (у вас это в два раза дороже), а вечером не удержалася — пошла в хлев корову понаведать. Узнала меня, замычала... у меня, наверно, от запаха коровы в голове помутилось, — за шею её обняла, разревелася как дура... Родной такой запах, сколь себя помню, им дышу, его, как запах тёплого хлеба, ни с чем не спутаешь. Вот надышуся им досыта — и обратно в город. Это я здесь простота деревенская, а там как приоденуся, морду как подчепурю, ноготочки покрашенные как расту-пырю — что ты, что ты!

После продолжительного молчания пассажирка говорит задумчиво:

— В городе, конечно, хорошо, вот только он трамваями пахнет... Ой, ить мы уже приехали! — вскрикивает и резво выпрыгивает из машины. — Спасибо! До свидания!

— Удачи вам! — кричу ей вслед, разворачиваюсь, еду домой — выпрямлять заждавшийся гвоздь. И вдруг вспоминаю: женщина не заплатила за проезд. Усме-хаюсь про себя: ничего не поделать, пустой сегодня день...

Гвоздь уложен. Беру молоток. Телефон сейчас же захлёбывается язвитель-ным хохотом. С невыразимым удовольствием «удушаю» его хлипкое электронное тельце. Несколькими ударами молотка выпрямляю гвоздь, долго разглядываю... И зачем он мне понадобился?

Ладно, завтра вспомню.